

АРХИМАНДРИТ ФЕОДОР (БУХАРЕВ)
И ДОСТОЕВСКИЙ

Среди современников Достоевского, православных мыслителей и философов 1850–1860-х гг., особое место занимает уникальный мыслитель, богослов и человек с необыкновенной и трагической судьбой архимандрит Феодор (А. М. Бухарев), труды и судьба которого оказались неразрывно связаны. Религиозно-философские и литературно-критические труды арх. Феодора, получившие отклик у сумевших оценить его современников и особенно у мыслителей конца XIX–начала XX в., воспринимались в значительной степени в свете обстоятельств его биографии. Убеждения о. Феодора и его решающий поступок – оставление монашества, последовавшая затем бедственная, полная глубокого трагизма жизнь – все это сложилось не в силу каких-то случайностей, но явилось результатом осознанного выбора человека, для которого слово и жизненное дело были неотделимы друг от друга.

Обстоятельства жизни о. Феодора, отношение к его трудам современников, воспоминания о нем собраны в книге, подготовленной Б. Ф. Егоровым, Н. В. Серебренниковым и А. П. Дмитриевым.¹ Однако стоит хотя бы в самой краткой форме представить основные вехи его биографии для большей ясности последующего изложения.

Александр Матвеевич Бухарев (1824–1871) родился в Тверской губернии, в семье диакона. Окончил Тверскую духовную семинарию, затем Московскую духовную академию (1846), где началось стремительное восхождение его в области церков-

---

¹ Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев). *Pro et contra*: Личность и творчество архимандрита Феодора (А. М. Бухарева) в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 1997 (далее: *Pro et contra*).

но-академической науки. Еще будучи студентом, он принял постриг с именем Феодор. В 1852 г. о. Феодор стал э.-орд. профессором по кафедре Священного Писания МДА. В 1853 г. получил сан архимандрита. В эти годы он начал работать над книгой, которую считал главным своим трудом: «Исследования Апокалипсиса» (вышла лишь в 1916 г. в Сергиевом Посаде). В это творчески насыщенное время он опубликовал ряд статей и монографий на библейские темы. В 1854 г. о. Феодор был переведен в Казанскую духовную академию, что было связано и с исследованиями Апокалипсиса, и с публикациями об отношении православия к современности. Слишком большое внимание к современности, желание связать христианство с живой жизнью, актуализировать в сознании современников образ Христа, приблизить его к людям – все это представлялось для многих консервативных деятелей Русской православной церкви сомнительным и едва ли не революционным. Противоречивую реакцию рецензентов вызвала его книга «О православии в отношении к современности» (СПб.: Странник, 1860). Особенно сильным ударом для него был запрет печатания его книги об Апокалипсисе. В это время он уже был цензором по петербургскому ведомству духовной цензуры. По должности какими-то ограничениями он задел редактора «Домашней беседы» Аскоченского, открывшего настоящую травлю о. Феодора, которую он вел под флагом защиты истинного православия. Многие видели, до какой степени этот град злобных статей Аскоченского в «Домашней беседе» жесток, несправедлив и губителен для арх. Феодора. Герцен назвал Аскоченского инквизитором, а о. Феодора его жертвой.² Но усилия Аскоченского не пропали даром и способствовали неблагоприятному отношению к арх. Феодору в среде высшего церковного начальства. В 1862 г. арх. Феодор подал прошение в Синод о выходе из монашества и о сложении духовного сана. Прошел мучительный год, пока этот вопрос был окончательно решен. В июле 1863 г. о. Феодор был расстрижен и к тому же лишен ученой степени магистра. Отныне А. М. Бухарев принял на себя служение Христу в миру, в который он хотел нести свет Христова учения. И ведь именно эта беспредельная любовь ко Христу, пришедшему в мир к

---

² Герцен А. И. Инквизитор Аскоченский и его жертва // Собр. соч.: В 30 т. М., 1958. Т. 15. С. 117.

«труждающимся и обремененным», – такая общая черта о. Феодора и Достоевского. Вскоре после сложения сана о. Феодор женился, занялся публицистикой, однако журналы неохотно брали его труды для публикации. Сложение монашеского сана было поступком из ряда вон выходящим, особенно когда речь шла о человеке столь заметном в церковных кругах, каким был арх. Феодор. Это наложило на него печать изгойства и сам он принял «позор расстрижения» как горькое унижение и страдание, но не мог отказаться от своего решения. Последовавшая за этим женитьба еще более привлекла внимание к личности о. Феодора и вызвала недоброжелательное и язвительное поношение со стороны главного гонителя Аскаоченского. Началась жизнь полная скорбей, неудач, материальных лишений, бедности, которые мужественно и самоотверженно делила с ним жена А. С. Бухарева. Умер А. М. Бухарев в забвении и бедности.³

За этой основной биографической канвой кроется жизнь, полная духовного напряжения и внутреннего драматизма. Воспоминания людей, близко знавших о. Феодора, рисуют образ человека младенчески чистого, кроткого, всегда расположенного к людям. Ученик и биограф о. Феодора П. В. Знаменский считал его «одним из симпатичнейших и оригинальнейших русских богословов».⁴ В начале его церковного служения чистоту и ясность духовного облика молодого монаха и талантливого ученого-библеиста оценил митрополит Филарет Московский. Однако изначально заложенное в самом образе мыслей о. Феодора расхождение с официальным направлением Русской православной церкви 1840–1850-х гг. в ее отношении к проблемам мирского характера, к умонастроениям в обществе, к молодому поколению углублялось по мере развития этих идей в его трудах.⁵ Церковная жизнь этого времени была «отгорожена» от мирской, и значительная часть духовенства придерживалась

---

³ Биографические сведения об о. Феодоре собраны в кн. *Pro et contra*. Особенно см.: *Знаменский П. В.* Печальное двадцатипятилетие; *Бухарева А. С.* Александр Матвеевич Бухарев (архимандрит Феодор); *Розанов В. В.* Аскаоченский и архимандрит Феодор Бухарев; и другие публикации.

⁴ *Pro et contra*. С. 342.

⁵ *Бухарев А.* О современных духовных потребностях мысли и жизни, особенно русской. Собрание разных статей. М.: Изд. А. И. Манухина, 1865.

принципиальной позиции отрицания мира, «лежащего во зле». О. Феодор писал: «Наша богословская наука и всеобщее церковное учительство держалось до сих пор очень изолированно от движения светской науки и от явлений действительной мирской жизни <...>. Спуститься с этих высот поближе к живым людям и современной действительности церковный учитель считал чем-то для себя неприличным...».⁶ Подобно Гоголю и, конечно, Достоевскому, о. Феодор откликнулся на духовные потребности людей своего времени, полагая, что основная работа пастыря – именно в миру.

Мы не располагаем сведениями о каких-либо контактах, встречах арх. Феодора с Достоевским. В именном указателе к ПСС Достоевского имя Феодор упоминается лишь один раз и то косвенно, в статье «Примечание [к статье Н. Страхова “Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве”]», причем вскользь упомянутое имя о. Феодор осталось без комментария. Известно, что А. Григорьев ценил труды о. Феодора и выражал надежду, что «теория мрака и застоя может пасть <...> под ударами могущественной диалектики автора книги: “Православие и современность”».⁷ Значит, в кругу журнала «Время» имя арх. Феодора и его идеи были хорошо известны. Несмотря на то что в каталоге Библиотеки Достоевского не числится ни одного издания его трудов, личные контакты арх. Феодора с Достоевским были вполне возможны. В журнал «Время» в 1861 г. была предложена для публикации критическая статья М. И. Владиславлева с разбором книги арх. Феодора (скорее всего, речь идет о книге «О православии в отношении к современности», 1860). М. М. Достоевский писал Владиславлеву: «Мне необходимо поговорить с Вами о Вашей критической статье (книга о. Феодора), которую я прочел со вниманием и большим удовольствием».⁸ Статья Владиславлева не была напечатана во «Времени», и содержание ее неизвестно. Но, конечно, дальнейшие события – травля о. Феодора, громкая история оставления монашества были достаточно широко известны. Достоевский

---

⁶ [Бухарев А. М.] О православии в отношении к современности в разных статьях архимандрита Феодора. М.: Изд. «Странника», 1860. С. 102.

⁷ Якорь. 1863. № 3. С. 42–47.

⁸ Цит. по: Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время»: 1861–1863. М., 1972. С. 65.

безусловно знал об этом. А. С. Бухарева вспоминала, что Достоевский еще во времена «Эпохи» «сочувственно отзывался об Александре Матвеевиче и с укором относился к другим за враждебное к нему отношение».⁹

Но при том, что, кроме этого косвенного упоминания, никаких откликов Достоевского на труды о. Феодора неизвестно, можно говорить об их глубоком духовном родстве, выразившемся не только в интересе к общим темам, но и в понимании их. Это духовное родство весьма точно и остро подметил В. В. Розанов:

Идеи арх. Феодора своевременно было бы пересмотреть в наше время. Он дал церковную форму, церковное выражение тем идеям и движениям души, которые гораздо позднее нашли светское, и притом гениальное, выражение в Достоевском. Родство их так и мелькает там и здесь. Множество идей у них – совершенно общих, и идей центральных, а не краевых.¹⁰

Одной из таких центральных идей как раз и было стремление понять современность. Арх. Феодор, как и Достоевский, был наделен «тоской по текущему» и хотел найти практические пути привнесения в реальную, каждодневную жизнь людей света Христовых заповедей, православного учения, но не как нечто дидактическое, а как живой смысл или, как он писал, научить людей «благодатные начала применять к мирскому». «Под “современностью”, – писал он в Предисловии к книге «О православии в отношении к современности», – здесь разумеются собственно господствующие духовные стремления, потребности и опасности в наше время».¹¹ Своей книге статей «О современных духовных потребностях мысли и жизни, особенно русской» (М., 1865) он предпослал эпиграф из Евангелия от Луки: «Лицемеры! Лице земли и неба распознавать умеете: как же времени сего не узнаете? (Лука, XII, 56)».

Вера о. Феодора была не начетнической, не догматической. В его стремлении к преобразению людей и их жизни был эле-

---

⁹ Литературное наследство. М., 1973. Т. 86: Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. С. 438.

¹⁰ Розанов В. В. Аскоченский и архимандрит Феодор Бухарев // *Pro et contra*. С. 535–536.

¹¹ [Бухарев А. М.] О православии в отношении к современности... С. 102.

мент христианской утопии. Можно сказать, что его вера была не Ферапонтова, а скорее Зосимова, светлая, согретая сочувствием к людям и порой наивная. Таким образом, всю тяжесть и весь драматизм наметившегося внутри церковных стен противостояния жесткой ортодоксальности, нетерпимости и фанатизма, с одной стороны, и любовной обращенности к миру, к людям, сострадание к ним – с другой, художественно изображенное Достоевским, вынес на себе, стал жертвой этого противостояния о. Феодор. Он писал о христианской любви, равно изливающейся на всех людей, о том, что на каждого человека, созданного по образу и подобию Божию, можно смотреть как на досточтимую икону Божию, а его оппонент Аскоченский ернически восклицал: «Как, стало быть и цыганки, и проститутки, и жида, и канканьерши – все это досточтимые иконы Самого Бога? Господи помилуй!»¹². Очевидно, до какой степени на разных языках говорят автор статьи и его злопыхатель-критик. Но знаменательно, что и этот «диалог» подсвечивается художественными образами Достоевского, который, с одной стороны, мог видеть «досточтимую икону Божию» и в пьянице Мармеладове, и в Соне, и в убийце Раскольникове, а вот сам Аскоченский представляется чем-то вроде Ракитина.

Есть определенный параллелизм в тех критических стрелах, которые были направлены на Достоевского и арх. Феодора. К. Леонтьев упрекал автора «Братьев Карамазовых» и «Пушкинской речи» в «розовом христианстве», т. е. в христианстве, как бы разбавленном гуманизмом. В книге «О православии в отношении к современности», написанной задолго до «Карамазовых», представители строго ортодоксального направления также увидели гуманистические влияния. Уже после смерти арх. Феодора в журнале «Гражданин» была напечатана статья К. П. Победоносцева «Духовная литература и церковная проповедь», написанная с высот твердого и непреложного знания истины. В его трактовке о. Феодор выглядит несчастным запутавшимся мечтателем, погнавшимся за каким-то призраком истины, увлекшимся ложной идеей «современности»:

Не странно ли подумать, что такое пустое и бессмысленное выражение служило – немало времени – пышным знаменем, под которое светские наши журналы скликали представителей церковной мысли

---

¹² Цит. по Розанову, в: *Pro et contra*. С. 534.

и деятельности? <...> Замечательною жертвой этой фантазии был несчастный архимандрит Феодор...¹³

Поистине контрастно выглядит личность о. Феодора в восприятии современников: несчастный, жалкий, запутавшийся, униженный и т. д. – с одной стороны, и с другой – провидец, непонятый, поруганный, но сохранивший твердость своей веры, своих убеждений, или, как писал Розанов, монах-аскет ранних веков христианства, чудом оказавшийся в прагматичном XIX в., гонимый современными фарисеями и ханжами.

Обращаясь к теме «Арх. Феодор и Достоевский», необходимо остановиться на важнейшей проблеме духовного инквизиторства, столь важной для обоих. В трудах А. М. Бухарева постоянная тема – обнажение, распознавание истинного лица инквизиторов, ханжей, фарисеев, маскирующихся под носителей высшей и неоспоримой истины, предлагающих людям вместо истинного учения Христа некую подмену. Это вообще одна из острых и вечных тем, имеющих значение в плане уяснения подлинной сути христианского учения. И конечно, размышляя на эту тему, о. Феодор опирается всегда на Евангелие. Вершиной его религиозной публицистики является статья «Об искушении Господа нашего Иисуса Христа дьяволом в пустыне», вошедшая в книгу «О православии в отношении к современности» как одна из ее глав. В толковании о. Феодором смысла искушений преобладает мысль, что дьявол строил свои аргументы, опираясь на хорошее знание тех ожиданий и чаяний, которые лелеяли иудеи, рассчитывая получить от мессии удовлетворение своих плотских, земных нужд, т. е. предлагал подмену, по сути дела отказ от подлинного смысла мессианского назначения. О. Феодор глубоко и диалектично раскрывает подлинный смысл искушений. В начале своей статьи он пишет:

В исследовании значения искушения Христова от дьявола главная задача – понять, что именно было здесь искусительного. При сем необходимо предположить, что искусительная сила должна быть не так слаба; иначе и победа над искушением не была бы великою.¹⁴

Не это ли исследование имел в виду А. Григорьев, когда писал о «могущественной диалектике» автора книги о право-

---

¹³ *Pro et contra*. С. 524.

¹⁴ [Бухарев А. М.] О православии в отношении к современности... С. 145.

славии и современности? Конечно, это соответствие исследования о. Феодора об искушениях Иисуса Христа знаменитому тексту в главе «Великий инквизитор» заставляет задуматься, не явилась ли эта работа одним из источников этого фрагмента в «Братьях Карамазовых». Акценты в исследовании о. Феодора и в главе «Великий инквизитор» при рассказе об искушениях различны. Для о. Феодора важен личный подвиг Спасителя, Его верность своему мессианскому назначению. У Достоевского мощно звучит тема свободы как высшего дара Бога человеку. Но это не снимает вопроса о том, не послужила ли статья о. Феодора одним из источников при написании «Великого инквизитора», не стала ли она одним из импульсов, побудивших писателя развить вечную тему в своем романе. Думается, что определенный ответ на этот вопрос вряд ли удастся найти, но обойти это яркое соответствие невозможно. В списке источников текста Достоевского это исследование о. Феодора должно занять свое место как один из возможных источников, исходящий из корпуса текстов православной богословской литературы, современной Достоевскому, тем более, что речь идет о мыслителе весьма близком писателю.

Если мы не располагаем прямыми сведениями о знакомстве Достоевского с о. Феодором и его трудами, то обратная связь безусловно существует, подтверждением чему является статья о. Феодора «О романе Достоевского “Преступление и наказание” по отношению к делу мысли и науки в России». Она входит в цикл его статей о современной литературе («Три письма к Гоголю» – отклик на «Выбранные места из переписки с друзьями», статьи о романах «Что делать?» и «Отцы и дети») и служит все той же волновавшей автора цели: уяснению современного состояния умов и сердец и причин их нравственного помрачения. Анализ этой статьи и ее описание даны в работе А. П. Дмитриева «А. М. Бухарев (архимандрит Феодор) как литературный критик».¹⁵ Здесь хотелось бы отметить лишь некоторые особенности этой работы, которые выявляют сходство Бухарева и Достоевского по некоторым существенным и глубоко личным особенностям. В трудах А. М. Бухарева прочитывается этика страдания, которое есть, по его учению, связующее начало между челове-

---

¹⁵ См. в кн.: Христианство и русская литература. СПб., 1996. Сб. 2. С. 160–201.

ком и Христом. В глубоком страдании таится возможность обращения ко Христу. И страдальцы Достоевского так же, как бы ни были они далеки от веры, наделены этой возможностью уверовать. Таков Кириллов, таков и Раскольников. Бухарев осуждает преступление, видит причины его глубоко связанными с современным материализмом и позитивизмом, позволившими оформиться «самозаконности» сознания. Однако он сочувствует Раскольникову, видит в нем возможности преображения личности, прежде всего потому, что он, погруженный в свою «идею», способен видеть других людей и сострадать им.

Среди значительного количества работ А. М. Бухарева на библейские темы есть замечательная книга об Иове многострадальном,¹⁶ одном из самых любимых библейских персонажей и Ф. М. Достоевского. Бухарев пишет о страданиях Иова, происходящих не только от потери всего, что ему было дорого, но и от состояния *отвержения*, в котором он оказался. Для Бухарева этот мотив имеет глубокий личный подтекст. «Что же такое отверженное до очевидности состояние человека, верного Богу? По крайней мере, что делать такому человеку в таком состоянии?», – вопрошает о Феодор;¹⁷

...терпение Иова и есть необыкновенное и чрезвычайное, – Божественно-образцовое для проходящих поприще терпения <...> – глубоко-поучительное для всех, внушая особенное участие и сострадание ко всякому не только внешне, но и духовно злостраждущему, без чего есть опасность не узнать и уязвить, основываясь даже на чистых началах правды и благочестия, – какого-нибудь страждущего Иова.¹⁸

Таким современным «страждущим Иовом» были сам А. М. Бухарев, которого не узнали и уязвили, основываясь на «началах... благочестия», его современники.

В статье о «Преступлении и наказании» есть фрагмент, касающийся отношений Раскольникова и Сони, в котором явственно и пронзительно прочитывается личная история самого А. М. Бухарева:

Тут и определились необычайные их взаимные отношения: она своею глубокою и нежной душой как будто сразу измерила страш-

---

¹⁶ Бухарев А. Св. Иов многострадальный. Обзорение его времени и искушения, по его книге. М.: Изд. книгопродавца А. И. Манухина, 1864.

¹⁷ Бухарев А. Св. Иов многострадальный... С. 28.

¹⁸ Там же. С. 29–30.

ную бездну внутреннего его состояния, восскорбев о нем чуть не до отчаяния, и сейчас же беззаветно обрекла себя нести с ним ужасное его бремя всегда и везде; он, как утопающий или уже поглощаемый бездною, хватался за живую руку, протянутую к нему, и умиленно предощутил свое спасение...¹⁹

Однако спасение для Раскольникова было не только в любви самой по себе: «Софья, – писал о. Феодор, – была вооружена еще кое-чем, кроме состраждущей Раскольникову любви»,²⁰ – конечно же, здесь он говорит о вере и любви ко Христу и Его учению – о том, что спасало в бедствиях и отвержении самого о. Феодора и его супругу Анну Сергеевну Бухареву. Замечательно, что эта тема прозвучала в образах и мотивах, близких Достоевскому (Иов многострадальный) или на материале его творчества (Раскольников и Соня).

А. М. Бухарев мог интересоваться Достоевского не только в отношении его убеждений, но и художественно – как личность, как человек необычайной судьбы. В. В. Розанов, которому принадлежит одна из самых замечательных статей об А. М. Бухареве, писал: «Арх. Феодор представляет поразительный пример *переработки самой натуры человека под действием религиозной мысли...*».²¹ Достоевский дал целую галерею образов персонажей, для которых идея, убеждения становятся судьбоносными. В личности арх. Феодора он мог видеть образ русского инок в миру, судьбу и весь духовный облик которого определили его убеждения и любовь ко Христу.

---

¹⁹ Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев) о духовных потребностях жизни: [Сб.]. М., 1991. С. 238.

²⁰ Там же. С. 239.

²¹ *Pro et contra*. С. 535.